

В поисках...

(картины С. Симакова (игумена Рафаила)
из собрания Угличского музея)

70-е годы XX века Москва. В подвале дома № 28 по Малой Грузинской улице группа художников, в народе называвшейся «Двадцатка», получили возможность выставлять свои работы.

Советский зритель часами стоял на морозе, греясь у костра из коробок и ящиков, чтобы в душном подвале взглянуть на картины, написанные людьми не равнодушными, болеющими болезнями своего народа, переживающими беды и напасти, войны и катастрофы.

Одним из «двадцати» был Сергей Симаков, ныне игумен Рафаил:

«Мы торопились высказаться, нам было что сказать - в нас столько накопилось, и получалось, что мы не только от себя говорили, о своем только личном (хотя, конечно, и об этом), но и от лица множества наших соплеменников, единомышленников. А как после оказалось (что было потрясающим открытием для нас, выросших в безбожной стране) - и единоверцев.

И выражалось наше общение с народом не только в формах изображения, в технике или в художественном направлении, а прежде всего в содержании. Форма уходила на задний план, хотя каждый из нас старался делать ее как можно более совершенной. Конечно, каждый по-разному, в силу данного ему таланта».

Нередко среди ранних работ художников встречаются образы циркачей, театров, балаганчиков (Ватто, Сезанн, Пикассо).

«Мне тоже хотелось и я все это писал. Комедианты, цирк, театр, притоны, - хотелось вырваться из окружающего болота в мир, хотя бы в такой, в котором лица смеются, хотя сердца их владельцев плачут».

Комедианты, 1968г.

Голгофа, 1975 г.

Как болезнью я сам долго перебалывал модным у моего поколения сюрреализмом, пробовал работать в других «модернистских» направлениях. Где-то же есть что-то живое.

Мы пытались выкарабкаться на свет Божий, друг у друга учились, передавали духовный опыт. Многие европейские художники писали картины на религиозные сюжеты, даже трупы брали в морге для «натуры». Но Христос-то жив!

Иконографичность русской живописи в том, что нет у нас мертвых тел, потому что самой смерти нет, побеждена она!

Апокалиптический пейзаж с людьми, которые предпочли стать засохшим перцем, 1977 г.

Человек – образ Божий, бесконечен, премудр, благ, чист, нетленен, свят, чужд всякой греховной страсти. Совершилось бедствие: образ Божий пал.

Однажды вечером, 1978г.

Я очень люблю картины Виктора Васнецова. Прямо до дрожи какой-то с малых лет я всматривался и всматриваюсь в эти холсты, на которых разворачивается грандиозное действие жизни наших прародителей. Там, в этих травах, лесах, небесах, в битвах и могильной тиши – начало и моей маленькой жизни.

Сергий Радонежский. Между осенью и зимой, 1978 г.

Так уж получилось, что с детства моя жизнь стала понемногу прислоняться к тому великому, кто у нас в России называется игуменом всея Руси, к преподобному Сергию. Но об этом я узнал много позже. Должно быть, все мои первые религиозные работы и начались с образа преподобного Сергия.

Басаврюк, 1979г.

Басаврюк – персонаж повести Николая Васильевича Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала».

Картина моя с грудой вещей и предметов, облепивших церковь и долженствующей изобразить самого неистового Басаврюка, написана в благодарность великому писателю за дивную речь.

В гостях у Вермеера, 1979г.

Вермеер вокруг себя когда-то изобразил в картине, на которой он якобы пишет некую аллегорию, разодетую женщину, изображающую собою покровительницу искусств и ремесел.

И мы с женой Еленой на встречу с мастером пришли «со своим». С дарами, когда-то лежавшими на морском дне, с засохшими цветами с нашей свадьбы, да с синицей в рукаве.

Картина написана на тему «земли».

Земля для нас - она и кормилица, и родительница, и место упокоения: «мать сыра земля». Все, что на ней – Божие, только в поврежденном виде. Но мы так к ней привязаны. И представилась мне наша земля в вечерних тихих сумерках, когда плывет над ней тонкий звон.

Вечерний звон, 1979г.

Одна из картин о моей семье.

Раздвигаются стены комнаты на 14 этаже у Рижского вокзала, и вливается, вползает медленно по вздыбленному паркету море со своим вечным шумом и глухим подпольным гулом. А над водой и по воде всплывают образы, памятные с детства, даже самого раннего, выстраиваются фигуры и предметы. И то они остаются в своей материальной сущности, то враз начинают вытворять что-то непонятное.

А люди среди всего этого несуразно-неразумного поведения материи упорно сияются остаться в реальном мире, хоть связь с ним у них потеряна, да и между собой они как-то не очень связаны ни местом, ни образом действий.

Так – жизнь без причин и следствий. Или подобие жизни?

Рассвет на Деревянном море, 1979г.

Война – она во всем война, и проникает в мирную, казалось бы, жизнь.

Словом, «Карфаген» – очередное поле битвы на земле. Конечно, в том ребусе, который я заложил в эту картину, были и красные наши знамена, скрывавшиеся за имперскими римскими стягами с орлами, в полете разбивавшимися о камни руин, и недавно умерший мой отец, дважды контуженный в блокадном Ленинграде, и вообще вся наша раздрызганная, бесперспективная, а, главное, поднадзорная жизнь. Цензура общая и – в залах на Малой Грузинской – особенная.

И как бы мы ни налаживали лады нашей жизни, ни стремили их к тихому берегу, ясно было, что они разбиты будут, только отделимся мы от суши пустынной и песчаной.

Сумерки души, сумрачно на душе.

Разрушение Карфагена, 1981 г.

Поклонение пастухов. 1981 г.

Художники, размышляя над темой Рождества Христа, пытались поместить Его где-то рядом с собой, чувствуя, что Он здесь, в невидимой к нам близости.

Вот Волхвы то ли прилетели, то ли приплыли на каком-то странном корабле и спускаются по веревочной лестнице мимо человека, который сидит на суку замерзшего дерева и перепиливает усердно этот сук. Святой Георгий в богатырском шлеме и в тулупе тащит куда-то поверженного дракона.

А внизу, или это все в сонном видении, словно из-под земли вырастает церковь, со светящимся окном – Спаситель мира родился.

Спор жизни со смертью. 1983г.

«Некий человек, удалой воин, ездил по полю чистому, раздолью широкому. И пришла к нему смерть, и был вид ее страшен, ужасен для человеческой природы.

Увидав ее, душа смиренная, сильно устрашилась. И спросил смерть: «Кто ты лютый зверь? Очень уж страшен облик твой: вид у тебя человеческий, а поведение зверское».

Ответила ему смерть: «Пришла к тебе, хочу тебя взять».

Говорит тогда человек тот:

«Госпожа моя, смерть, разреши мне пойти в город покаяться».

Ответила ему смерть: «Нет, человек, не пущу тебя, потому что многие люди так же говорят, когда я к ним прихожу, и я отпускаю. Человек же, освободившись, поступает по-прежнему, а про меня забывает... Уже жизнь твоя пресекается, близок конец твой, а солнце твое зашло».

Смерть, подступив к нему, подсекла ноги косой и, взяв серп, схватила его за шею...»

Отражения, 1983 г.

Мы уже купили дом в деревне под Угличем, и все реже приезжаем в Москву и совсем недалек тот день, когда мы окончательно останемся в деревне Загайново и будем служить в лесном храме. Город, правда, со всем, что нас в нем окружает, долго не отпускал нас, все возвращал, не давал распутать нити и веревки, так долго путавшие нас. Жило внутри раздвоенное чувство, беспокойное.

А хотелось вживаться в новый, такой вечный мир.

Старые часы, 1987г.

Вот уже больше двадцати лет как прекратилось то, что называлось «Малой Грузинской». Все закончилось просто. Художников перестали «давить», да и вовсе про них забыли. Не стало сопротивления, никто уже не запрещал писать то, что нам раньше запрещали. Людям в большей степени стало не до живописи.

Похоже, сейчас у всех почти, кто берется писать книгу, сочинять музыку, снимать фильм, натягивать холст на подрамник, начинает прежде замысла работать в сознании компьютер, подсчитывающий конечный результат. И тогда уже не до искусства, художества. А главное – есть ли что тебе людям сказать, можешь ли поведать им, что и как тебя волнует. Настоящее произведение от сиюминутной поделки может при желании отличить и неискушенный зритель.

Игумен Рафаил (Симаков)